

Обе семьи и в самом деле жили неподалёку друг от друга.

Побетлевшая соломенная хижина семьи Ся Цзиньдо находилась на самом краю деревни, а дом мужа Тао Вансин примостился у подножия гор.

Тао Вансин вышла замуж из соседней деревни и славилась на всю округу как редкостная, изнеженная красавица.

Неудивительно, что этот грубый мужлан-охотник не пожалел огромных денег в двадцать лямов серебра, чтобы взять её в жёны.

Двадцать лямов! — идя по дороге, Ся Цзиньдо мысленно цокала языком и дивилась. Интересно, сколько лет этому грубияну пришлось вести самую берегательную жизнь, чтобы скопить такую сумму.

Едва она подумала об этом, как навстречу ей показался тот самый главный виновник толков.

Ростом он был выше метра восьмидесяти, что в эпохи всеобщего недоедания среди простого народа делало его похожим на ходячую скалу.

Его кожа имела здоровый и притягательный бронзовый оттенок, всё тело бугрилось мышцами, от него так и веяло первобытной мужской силой.

За спиной висел тяжёлый на вид тугой лук, в руке он держал бьющую крыльями жирную дикуую курицу, источая дикий дух только что покинутых глухих гор.

Ся Цзиньдо затаила дыхание и поспешно нырнула за ствол раскидистого дерева.

— Ох ты ж ёлки-палки, этот зять — просто эталон brutального мужика!

Какая мужественность, какие длинные ноги!

Близкая подруга старше её всего на полгода, так что звать его зятем — ни капли не убыточно.

Вот подруге со знакомством-то свезло, просто загляденье!

Пригнувшись, Ся Цзиньдо, словно заправская воровка, тихонько пробралась к низкому глинобитному заборчику семьи Чжао.

Во дворе снова раздался пронзительный, похожий на петушиный крик голос госпожи Ван:

— Ты даже огонь разжечь не умеешь! Твои руки — просто для красоты?

Госпожа Ван шумно выругалась и занесла руку, собираясь отвесить невестке пощёчину.

В тот самый миг, когда ладонь уже почти касалась лица Тао Вансин, из ниоткуда появилась крепкая мужская рука и намертво перехватила запястье старухи.

Бви брови Чжао Мэнчуаня сошлись на переносице, а голос прозвучал низко, подобно раскату грома:

— Мать, жён берут для того, чтобы любить их, а не для того, чтобы бить.

Ся Цзиньдо, припавшая к верхушке забора, едва не прикусила язык от волнения. Разве эта сцена истинно мужской защиты не в миллион раз лучше тех избалованных мажоров из современности, которые умеют только транжирить родительские деньги да беспутствовать целыми днями?

Раньше она часто выслушивала жалобы подруги на то, как та ненавидит навязанные семьей лицемерные договорные браки. Теперь же казалось, что это попаданчество обернулось благом, как в притче об утерянном коне.

От крепкой хватки сына запястье госпожи Ван пронзила боль, и она тут же вспыхнула праведным гневом:

— Да она элементарный огонь разжечь не способна! Мы её что, как божество в храме содержать привели? Все те слухи о её трудолюбии в родительском доме, судя по всему, были сплошным фарсом! Знааала бы я заранее — лучше бы ты взял в жёны ту девчонку из семьи Ся, Ся Цзиньдо, та по крайней мере умеет работать в поле!

Услышав это, лицо Чжао Мэнчуаня потемнело так, что с него хоть воду выжимай:

— Мать, не болтай чушь и не порочь честное имя девушки. Моя жена не хочет готовить — значит, и не должна, пусть отдыхает. Я сам всё сделаю.

С этими словами он согнул свой мощный стан и умелыми движениями принялся разжигать огонь и подкладывать хворост. Спустя мгновение в печи уже весело полыхало жаркое пламя.

— Мать, огонь готов, можешь жарить еду.

Госпожа Ван, швыряя масло на сковороду, продолжала ворчать:

— Ну вылитая лисица-соблазнительница! Стоило выйти замуж за мужика — и сразу палец о палец не ударит. С чего это в родительском доме ты такой недотрогой не была?

Тао Вансин стояла рядом, неторопливо отряхивая пыль с одежды, и её голос прозвучал безразлично:

— Мать, если бы я вышла замуж только ради того, чтобы стряпать и вести хозяйство, я бы и у себя дома могла этим заниматься, с какой стати мне идти в твой дом и терпеть упреки?

— Если ты и вправду так сожалеешь, то можешь прямо сейчас велеть своему сыну написать письмо о расторжении брака, я сию же минуту соберу вещи и уйду.

Стоило прозвучать слову «расторжение», как температура на всей кухне мгновенно упала до нулевой отметки.

Этот пронизывающий холод, способный, казалось, заморозить воздух вокруг, исходил явно от Чжао Мэнчуаня.

Госпожа Ван от этого леденящего давления испуганно вздрогнула, втянула голову в плечи и благоразумно замолчала.

Сдерживая накопившуюся злость, она кое-как зажарила тарелку зелени, тарелку яичницы да сварила котелок супа из солений — вот и весь обед семьи Чжао.

Закончив стряпню, госпожа Ван свирепо зыркнула на Тао Вансин, стоявшую в стороне в качестве живой декорации:

— Долго ты еще будешь стоять? Небось ждешь, пока я сама стану прислуживать тебе за едой?

— Ох, — откликнулась Тао Вансин и уже протянула было руку.

Однако мозолистая мужская ладонь опередила её, первой подхватив стопку грубой керамической посуды.

Чжао Мэнчуань понизил голос, и в его тоне слышалось искреннее сочувствие:

— Не бери в голову. Моя мать просто помешана на установлении порядков, не обращай на нее внимания. Двадцать лямов за твое сватовство я скопил сам, все расходы по дому тоже на мне. Ты — моя жена, тебе не нужно заниматься этой тяжелой работой, отныне всю стряпню и уборку пусть делает старшая невестка.

Ся Цзиньдо за забором едва не расплакалась от умиления, её сердце полностью растаяло от этих слов, и она подумала, что этот парень — несомненно, редчайший по своей доброте мужчина.

Неудивительно, что прежняя владелица тела так отчаянно рвалась замуж за Чжао Мэнчуаня — её вкус и чутье оказались безошибочными. Впрочем, насильно мил не будешь, и насильно навязанное счастье редко бывает сладким.

Приходилось признать, что подруге несказанно повезло: даже угодив в жёны беднякам-крестьянам, она всё равно купалась в чьей-то нежной заботе и любви.

Правда, эта старуха родила двух сыновей, да ещё в доме осталась младшая золовка — состав семьи и вправду выглядел довольно сложным.

Чтобы жизнь подруги в будущем была лёгкой, ей, как верной подруге, стоило держать руку на пульсе. К счастью, дома стояли близко, так что прийти на помощь можно было в любую минуту.

Ся Цзиньдо уже собиралась бесшумно скрыться с места удачно выполненной разведки, как из избы снова раздался низкий голос Чжао Мэнчуаня:

— Ты что же это, только что завела разговор о расторжении брака? Как так? Неужели осталась недовольна тем, как я проявил себя прошлым вечером?

Услышав это, лицо Тао Вансин мгновенно залилось густой краской. В памяти ярко вспыхнули вчерашние воспоминания о звериной мощи этого мужчины, из-за которой у неё до сих пор ныли и поясница, и всё тело.

Глядя на это правильное, но исполненное давящей силы красивое лицо, Тао Вансин мысленно сравнила его с современными любителями прокутить жизнь мажорами.

Ладно уж, этот мужчина её вполне устраивал.

Ей просто не слишком нравилось это семейство, к тому же сейчас у неё за душой не было ни гроша, и вздумай она развестись в эту эпоху — ей даже некуда было бы преклонить голову.

Возвращаться в родительский дом было нельзя, там её заживо сгноили бы презрительными сплетнями.

Поразмыслив над этим, Тао Вансин благоразумно предпочла промолчать.

Однако её молчание в глазах Чжао Мэнчуаня выглядело как знак согласия.

Взгляд мужчины потемнел. Он протянул руку, резко развернул её к себе и прижал к краю кухонной плиты, произнеся с досадой в голосе:

— Задумала расторгнуть брак? И не мечтай. Я столько сил потратил, чтобы привести тебя в свой дом, и ни за что на свете не отпущу до конца своих дней.

С этими словами он склонил голову и властно запечатлел поцелуй на этих манящих губах, которые одновременно и сводили его с ума, и злили.

Ся Цзиньдо, подслушивавшая снаружи, долго не слышала никаких звуков, и её любопытство достигло предельной точки.

Она осторожно приподнялась на цыпочках и заглянула внутрь сквозь щель в обветшалой оконной раме.

Представшая перед её глазами картина оказалась откровенной сценой: высокий грубый мужлан страстно целовал хрупкую красавицу, а подруга, закрыв глаза, очевидно, и не думала сопротивляться.

Подумать только, какое явное сходство с романами о властных боссах в древнем антураже! Убедившись, что подруга устроилась благополучно, Ся Цзиньдо с умилением улыбнулась и собралась тихонечко ретироваться.

Не успела она сделать и двух шагов, как из комнаты донёсся новый раскат визгливого крика госпожи Ван, напоминавший забой свиньи:

— Подать миски с палочками — и то возишься дольше черепахи! Ты что там, дуба врезала внутри?!

Обезумевших от страха из-за этого внезапного крика любовников словно ошпарило кипятком, и они резко отскочили друг от друга.

Лицо Тао Вансин пылало так сильно, что казалось, будто с него вот-вот закапает кровь, и она со злости отвесила Чжао Мэнчуаню тумака в грудь.

Однако грудь мужчины оказалась твёрдой, как чугунная плита, так что она лишь отбила себе руку.

В глазах Чжао Мэнчуаня искрилось веселье. Он тут же перехватил её ладонь и принялся нежно дуть на неё своими губами.

Дверь как раз распахнулась, и вошедшая внутрь госпожа Ван, увидев эту сцену, едва не

закатила глаза до самого затылка:

— Тьфу, бесстыдная блудница!

<http://bllate.org/book/19485/1910108>